

ВЕРА КРЫЖАНОВСКАЯ

Из царства тьмы
Книга третья

RUGRAM

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
К85

Третья книга трилогии Веры Крыжановской.

Крыжановская В.

К85 Из царства тьмы / В. Крыжановская. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. — 190 с. — (Жизни и судьбы).

Вера Ивановна Крыжановская (1857–1924) — русская романистка, известная многочисленными женскими, историческими и оккультными произведениями.

Мистический роман «Из царства тьмы» завершает знаменитую трилогию «В Царстве Тьмы». За душу главной героини Мэри, оказавшейся в плену самой настоящей чёрной магии, непрерывно сражаются представители Силы Света и Силы Тьмы, но только от неё одой зависит исход этой борьбы.

BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-77626-9

© RUGRAM, 2022

© Т8 Издательские технологии, 2022

«Кто из вас, имея сто овец и потеряв одну из них, не оставит девяносто девять в пустыне, и не пойдет за пропавшею, пока не найдет ее? А нашедши, возьмет ее на плечи свои с радостью и, пришедши домой, созовет друзей и соседей, и скажет им: порадуйтесь со мною, я нашел мою пропавшую овцу».

ЛК. XV, 4-5

ГЛАВА I

На поросшем лесном холме, в уединенной долине Южного берега, стояла большая, нарядная и окутанная садом вилла. Была она вдали от соседних населенных мест, полная тишина стояла в ней, и ее обитатели, надо полагать, были большие домоседы, так как весьма редко показывались за пределы своего словно заколдованного убежища.

И, действительно, вилла вполне заслуживала бы название «заколдованного замка». Построена она была в стиле итальянского возрождения, а ее портик из белого мрамора, широкая лестница, галерея с колоннадой выделяли ее, подобно гигантской жемчужине, на фоне густой зелени. Громадный, голубой и увенчанный золотым крестом купол простирался над зданием. Расположенный террасами сад пестрел великолепными цветниками, из древесной кущи выглядывали статуи и множество фонтанов выбрасывало вверх серебристые струи.

В одном из залов этого волшебного замка, длинном и узком, с окнами на обе стороны, стояла удобная и широкая

кровать, на ней крепко спал бледный, худощавый и, видимо, глубоко уставший человек.

Окна были открыты настежь: одно выходило в сад, а другое на спуск с холма и видневшееся вдали озеро. Но та и другая картина были одинаково прекрасны и дышали глубоким покоем.

Воздух был напоен чудным ароматом тысячи всевозможных оттенков роз, рассаженных в саду большими кустами. На столике у постели стоял большой графин с розовой жидкостью и корзина с фруктами. Спавший был в белой шерстяной рубашке и прикрыт красным плюшевым одеялом.

Луч солнца, упавший на лицо спавшего, пробудил его. Он открыл глаза и недоумевающе осмотрелся, а потом сел и сжал руками лоб, очевидно стараясь привести в порядок свои мысли. В эту минуту отворилась дверь и вошел высокого роста человек, средних лет, с добрым приветливым лицом. Он был в белом полотняном костюме и держал в руках чашку с каким-то теплым питьем.

— Ну, вот вы и проснулись, друг мой, и, благодаря Богу, много сильнее прежнего. Выпейте-ка это, а потом поболтаем. Хотя вам еще нельзя говорить много, но я вижу, что вас мучает любопытство, — сказал он, добродушно посмеиваясь.

Больной с жадностью выпил укрепляющее питье, согревшее его истощенное тело приятной теплотой, а потом сказал, пристально глядя на собеседника:

— Я не знаю вашего имени, но мое сердце полно благодарности за все ваши заботы обо мне, и вы угадали мучающее меня чувство: я буквально не могу отдать себе отчет. В моих воспоминаниях образовался какой-то пробел, а по-

следнее яркое сохранившееся впечатление было от полученной, безусловно смертельной, раны. Видите ли, я — врач, и знаю, что пережил ту самую агонию, которую столько раз наблюдал у своих пациентов, а потому по законам человеческим в настоящее время должен был бы быть мертвым. Черная пропасть, куда я чувствовал, что катился, должна была быть моей могилой. Отсюда начинается неизвестное, непонятное, смутное воспоминание: я видел вас и других, незнакомых людей, тогда как не помню у своей постели тетку, заменившую мне мать. Будьте добры, ответьте на несколько вопросов и положите конец этому странному состоянию. Каким чудом я остался жив? Если я в санатории, то где именно? Кто меня поместил сюда, а если это сделала моя старушка-родственница, то почему она не показывается сама?

— Желание ваше узнать, наконец, истину — вполне законно и естественно. Вы настолько окрепли, что можете услышать правду о случившемся без вреда для здоровья. Вставайте и пойдемте в соседнюю комнату, там нам будет удобнее разговаривать.

Больной покорно встал, с помощью незнакомца облачился с теплым шелковый халат и, поддерживаемый своим собеседником, медленным шагом направился к двери в конце зала, а когда тот распахнув ее, у больного вырвался восторженный возглас удивления и восхищения.

Он очутился в довольно большой комнате, освещенной огромными, от пола до потолка, окнами с разноцветными стеклами. Кому знакомы бесподобные по красоте окна Кельнского собора или других средневековых церквей, тот может представить себе это впечатление. Но здесь преобла-

дал синий цвет, и комната тонула в светло-голубом полусвете. Стены были белые и заднюю занимала большая картина «Воскресение Христа» кисти выдающегося художника. Глава Спасителя, дивная по выражению и подлинно божественной красоты, дышала поразительной жизненностью. Посреди зала находился престол из белого мрамора, а на нем стояла копия знаменитой статуи Христа работы Торвальдсена, но она была из голубоватого прозрачного камня. На цоколе красовалась надпись золотыми буквами: «Придите ко мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас». Из передней стенки престола вытекала и падала в бассейн струя прозрачной воды.

— Помолимся, брат, чтобы Христос вдохновил, благословил вас и направил на путь спасения, — сказал незнакомец, опускаясь на колени вместе с больным.

Почти в ту же минуту послышалось нежное гармоничное пение, и его могучие звуки приводили в трепет каждый нерв, но в то же время наполняли душу миром и отрадой. Когда замолкли последние звуки, молившиеся поднялись и сели на удобном диване около окна.

— Теперь, брат мой, вы узнаете объяснение всему, что вам кажется темным, — сказал незнакомец, серьезно и вдумчиво глядя на собеседника. — Прежде всего, помните ли вы князя Елецкого?

— Несомненно помню. Разве он здесь? И я увижу его? — радостно и торопливо спросил больной.

— Увидите, но не теперь: пока его здесь нет. Я упомянул о князе потому, что благодаря ему ваша судьба совершенно изменилась. Не знаю, будете ли вы ему признательны за это,

но во всяком случае умереть успеете всегда. А теперь слушайте и не перебивайте меня.

Вы совершенно правы, тело ваше получило смертельную рану и по законам человеческим вам следовало бы вернуться в невидимый мир. Но наш молодой брат, Елецкий, питал к вам искреннее расположение и ему казалось, что в глубине вашей души, под слоем скопившейся в ней грязи, таятся добрые побуждения и влечение к свету, это вызвало в нем пламенное желание спасти ваше тело и душу. Он не ошибся: во время вашей агонии начала добра взяли верх и внушали вам благое намерение принять на себя двойное убийство, выгородив этим барона, а детям сохранив отца и доброе имя. За такой великодушный поступок вы получили в награду телесную жизнь и, если хотите, полное возрождение души. Но, дорогой брат, ваша судьба совершенно изменилась. Доктор Вадим Заторский умер и погребен: вы не можете уже появиться под вашим прежним именем — это кончено! Но вы можете жить под именем другого человека, одаренного настоящим знанием, которое врачует душу, как и тело, а не прежним слепым медиком, пользовавшимся несовершенным знанием — наукой. Официальная наука все еще бродит в потемках и ощупью, а своими успехами зачастую бывает обязана просто случаю. Вам же представляется возможность стать одним из тех врачей, которые, будучи одарены и оккультным знанием, сумеют доискаться в «невидимом человеке», в его астральном теле, до корней недуга, снедающего его видимое тело. Если вступите в наше братство, то можете изучить эту науку, будете избавлены от нужд житейских, так как община щедро оплачивает своих

членов, и, повторяю, никакая материальная забота не нарушит вашего покоя.

Мертвенно бледный Вадим Викторович молча слушал странные слова своего собеседника, а когда тот на минуту умолк, пробормотал:

— Но вот чего я не понимаю. Если меня похоронили, то как же я очутился здесь? Значит, меня выкопали из могилы?

— Всего лишь вынули из гроба, И вот как это случилось, — с улыбкой ответил собеседник доктора. — Убедившись, что доброе начало восторжествовало в вашей душе над злобой и жаждой мести, князь дал вам лекарство, которое успокоило боль, предотвратило внутреннее, влекущее за собою смерть, кровоизлияние и повергло вас в летаргический сон, придавший вам вид трупа. По получении депеши о вашей смерти, тетушка ваша смертельно заболела, и ее компаньонка просила оставить ваше тело в Ревеле до тех пор, пока сама больная или кто-либо из близких не распорядится о погребении. По разным причинам, которые теперь было бы слишком долго рассказывать, баронессу спешно схоронили в фамильном склепе Зельденбурга, который вы видели, конечно, в конце парка. В тот же склеп поставили, по совету князя, впредь до новых распоряжений и гроб доктора Затторского.

Для ясности рассказа должен прибавить, что генеральша Бармина уехала с детьми и м-ль Мэри в самый день погребения. В замке оставались лишь князь и барон, который собирался закончить свои дела и раскрыть нишу в капелле, где, согласно легенде, некогда был замурован ливонский рыцарь. Фон Козен надеялся, если возможно, положить конец появлениям этого «горевестника». Останки действительно

